

DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-122-136

УДК 93/94

ЭВОЛЮЦИЯ БЮРОКРАТИЧЕСКИХ ТРАКТОВОК ПОНЯТИЯ «САМОДЕРЖАВИЕ» В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРИОД КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ (1905–1906 гг.)

Прохоренко Вадим Эдуардович

Европейский университет в Санкт-Петербурге,

Санкт-Петербург, Россия

vprokhorenko@eu.spb.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу семантических изменений, происходивших с понятием «самодержавие» в правительственно-бюрократической среде в период проведения конституционной реформы 1905–1906 гг. До начала революции в 1905 г. «самодержавие» указывало в законодательстве на неограниченность власти императора. После принятия Основных государственных законов 23 апреля 1906 г. в них было сохранено упоминание этого понятия, хотя законодательные полномочия монарха были ограничены Государственной Думой. Опираясь на ряд принципов, предложенных в рамках истории понятий, автор рассматривает трактовки данного концепта чиновниками, участвовавшими в разработке и обсуждении конституционной реформы, чтобы понять, что стояло за этим решением. На материале стенограмм и протоколов правительственных совещаний, на которых обсуждалось изменение институционального дизайна политической системы, автор показывает, что у сановников не было единого взгляда на значение понятия «самодержавие»; более того, их интерпретации противоречили друг другу и активно эволюционировали в это время. Отдельное внимание в работе уделено периодической печати, в которой до общества доносилась позиция как отдельных бюрократов, так и правительства в целом. Автор приходит к выводу, что решение авторов конституционной реформы сохранить «самодержавие» в качестве понятия, описывавшего обновленный государственный строй Российской империи, решало задачи пересборки легитимирующей правящую династию мифа, который в политических условиях 1905–1906 гг. оспаривался революционными силами. Эта семантическая новация была произведена путем обращения к неославянофильской трактовке данного концепта и отражала процесс национализации монархии.

Ключевые слова: самодержавие, конституционная реформа, бюрократия, славянофильство, С.Ю. Витте, Николай II, история понятий, революция 1905–1907 гг.

THE EVOLUTION OF BUREAUCRATIC INTERPRETATIONS OF THE CONCEPT OF “AUTOCRACY” IN THE RUSSIAN EMPIRE DURING THE PERIOD OF CONSTITUTIONAL REFORM (1905–1906)

Prokhorenko Vadim E.

European University at St. Petersburg,
St. Petersburg, Russia
vprokhorenko@eu.spb.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of semantic changes that occurred with the concept of «autocracy» in the governmental and bureaucratic environment during the period of the constitutional reform of 1905–1906. Before the beginning of the revolution in 1905 The «autocracy» indicated in the legislation the unlimited power of the emperor. After the adoption of the Main State Laws on April 23, 1906, they retained the mention of this concept, although the legislative powers of the monarch were limited by the State Duma. Based on a number of principles proposed within the framework of the history of concepts, the author examines the interpretation of this concept by officials who participated in the development and discussion of constitutional reform in order to understand what was behind this decision. Based on the transcripts and minutes of government meetings at which the change in the institutional design of the political system was discussed, the author shows that the dignitaries did not have a single view on the meaning of “autocracy”, moreover, their interpretations contradicted each other and actively evolved at that time. Special attention is paid to the periodical press, in which the position of both individual bureaucrats and the government as a whole was conveyed to society. The author concludes that the decision of the authors of the constitutional reform to preserve «autocracy» as a concept describing the updated state system of the Russian Empire solved the problem of reassembling the myth legitimizing the ruling dynasty, which was disputed by revolutionary forces in the political conditions of 1905–1906. This semantic innovation was made by referring to the neo-Slavonic interpretation of this concept.

Keywords: autocracy, constitutional reform, bureaucracy, Slavophilism, Witte, Nicholas II, the history of concepts, the revolution of 1905–1907.

Цитирование: Прохоренко В.Э. Эволюция бюрократических трактовок понятия «самодержавие» в Российской империи в период конституционных преобразований (1905–1906 гг.) // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 3. С. 122–136.
DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-122-136 / Prokhorenko V.E. The Evolution of Bureaucratic Interpretations of the Concept of “Autocracy” in the Russian Empire during the Period of Constitutional Reform (1905–1906), in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2024. No. 3. Pp. 122–136. DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-122-136.

© Прохоренко В.Э., 2024

Идея о том, что понятие «самодержавие» в различные исторические периоды было нагружено смыслами, которые отличались друг от друга, неоднократно высказывалась историками. Однако если вслед за Р. Козеллеком предположить, что у понятий есть внутренняя темпоральная структура, в которой аккумулируются пласты значений, характерные для разных эпох [Козеллек, 2010, с. 25], то надо признать, что не все семантические срезы в его истории еще исследованы достаточно подробно. В особенности это относится к периоду Российской империи в начале XX в.

До октроирования конституции и учреждения Государственной думы в апреле 1906 г. в ст. 1 действовавших Основных законов провозглашалось, что «Император всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться его верховной власти не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает» [Свод законов Российской империи, 1857, с. 1]. В Основных законах 23 апреля 1906 г. эта формулировка изменилась: «Императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его, не только за страх, но и за совесть, сам Бог повелевает». Власть царя перестала быть неограниченной, но осталась самодержавной.

Уделять внимание проблеме трансформации смысла самодержавия во время революции 1905–1907 гг. начали совсем недавно. Работы К.А. Соловьева [Соловьев, 2018a; Соловьев, 2018b;], Д.А. Андреева [Андреев, 2020] и С.В. Куликова [Куликов, 2022] затрагивают рубеж XIX–XX вв., но не касаются непосредственно самого революционного кризиса. Тем не менее данные авторы сумели сделать ряд крайне важных и интересных наблюдений относительно того, как самодержавие трактовалось в политическом языке предреволюционного периода. В частности, Соловьев писал о влиянии неославянофильской политической мысли на представления некоторых сановников о самодержавии. Вопросу о том, можно ли называть самодержавным государственный строй, оформившийся в 1905–1906 гг., посвящено эссе Э. Лора [Lohr, 2023]. Он критикует точку зрения, согласно которой с помощью самодержавия описывается устройство, существовавшее в России в 1906–1917 гг. Такое определение думской монархии, по его мнению, неточно и несет негативные коннотации, связанные с особо уникальным деспотизмом российского режима. Лор предлагает отказаться от того, чтобы называть самодержавием режим думской монархии, т.к. на тот момент в стране существовала конституция, и поэтому государственное устройство в тот период следует определять как конституционную монархию.

Поднятая Лором проблема рефлексии понятийного аппарата, используемого историками при исследовании периода революции 1905–1907 гг. и становления думской монархии, очень важна. Однако сам автор исходит из непримиримой оппозиции понятий *конституция* и *самодержавие*, что было отчасти характерно для политического дискурса того времени. Тем не менее мысль о том, что описание обновленного государственного строя с помощью одного из этих терминов обязательно исключает использование для этой же цели другого, не является такой очевидной. Более того, не была она очевидной и для тех, кто был вовлечен в процесс

реформирования. Конституционный строй действительно был установлен, но при этом сами законодательные акты, оформившие его, не содержали упоминания конституции, зато в них нашлось место самодержавию. В силу этого встает вопрос: с каким намерением авторы конституционной реформы сохранили самодержавие в основополагающих актах и что в таком случае это понятие могло означать?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к методологическим предложениям, сделанным в рамках Кембриджской школы интеллектуальной истории. Нужно проследить эволюцию семантики *самодержавия* на всем протяжении времени разработки правовых актов, заложивших основы политического устройства думской монархии. Важно обратить внимание на намерения тех государственных деятелей, которые рассуждали о данном понятии. Как указывал К. Скиннер, при интерпретации текста нужно определить, что его автор делал и чего хотел добиться [Скиннер, 2018, с. 130], когда использовал то или иное понятие. Нельзя обойтись и без категории «политического языка» Дж. Покока [Покок, 2028, с. 150–151], которая позволит понять, какие трактовки самодержавия влияли на авторов конституционной реформы.

В первые месяцы революции самодержавие стало частью правительственной антиреволюционной риторики. Одной из первых официальных реакций на разгорающийся политический кризис был манифест «О призыве властей и населения к содействию Самодержавной власти в одолении врага внешнего, в искоренении крамолы и в противодействии смуте внутренней» 18 февраля 1905 г. Документ был направлен на призыв к сплочению вокруг верховной власти во время борьбы с внешним врагом и «внутренней смутой»: «под стягом самодержавной царской власти и в неразрывном единении с нами Земля Русская не раз переживала великие войны и смуты, всегда выходя из бед и затруднений с новою силою несокрушимою» [Законодательные акты, 1909, с. 20]. Самодержавие представляется в этом манифесте исторической формой русской государственности и противопоставляется политической форме управления «страною на началах, отечеству нашему несвойственных», намекая на политические требования либеральных деятелей.

В манифесте говорилось о необходимости укрепления «истинного» самодержавия. На первый взгляд, этот термин употребляется в его привычном смысле, обозначающим прежнюю форму политического режима с неограниченной властью монарха. Однако понять интенцию авторов манифеста невозможно в отрыве от двух других документов, подписанных императором в тот же день: рескрипта министру внутренних дел А.Г. Булыгину и высочайшего указа Сенату. В них уже говорилось об «усовершенствовании государственного порядка». В рескрипте обозначалось намерение «привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений» [Законодательные акты, 1909, с. 22]. Этим рескриптом учреждалось особое совещание для подготовки проекта законосовещательного выборного органа. Учитывая, что в последующем сам император признавал, что связь между рескриптом и манифестом «естественная и не нуждается в пояснении»

[Петергофское совещание, 1905, с. 8], можно предположить, что «укрепление истинного самодержавия» по мысли авторов этих двух документов могло быть произведено через «усовершенствование» государственного строя путем создания законосовещательного представительства. Подобная риторика была созвучна неославянофилам, трактовавшим самодержавие не как абсолютистский принцип, а как мифический утраченный идеал, при котором царь правит в согласии с подданными. Характерно и то, что неославянофилы, как правило, считали подлинное самодержавие достоянием допетровской России. Как указывал К.А. Соловьев, именно неославянофильская трактовка *самодержавия* постепенно в течение конца XIX–начала XX в. воспринимается бюрократами [Соловьев, 2018а, с. 59–60], и в таком значении она становится частью правительственного официального дискурса в период революции и реформ 1905–1906 гг.

После издания манифеста «Об укреплении самодержавия» начинается предварительная разработка правовой базы для создания нового органа. В течение весны и лета 1905 г. под руководством А.Г. Булыгина помощник начальника главного управления по делам местного хозяйства С.Е. Крыжановский писал проект Учреждения законосовещательной Государственной думы, который затем обсуждался на Петергофских совещаниях под председательством императора в июле.

Во время совещаний самодержавие стало частью дискуссии о пределах законодательной власти царя в условиях появления законосовещательной Думы. Николай II спрашивал мнения участников о том, не противоречил ли обсуждаемый проект Учреждения Думы действовавшим Основным законам, частью которых являлось понятие *самодержавие* и которые определяли права монарха как неограниченные. Открывая совещание, царь говорил о том, что одни сановники сочли этот проект «недостаточно широким, другие, напротив, считают, что этим проектом умаляются права самодержавия, и потому он опасен для России». По мнению, высказанному членом Государственного совета А.С. Стишинским, «ограждение самодержавия» являлось «краеугольным камнем» всего законодательства [Петергофское совещание, 1905, с. 85].

Участники совещаний по-разному трактовали смысл *самодержавия*. Многие высказывались за тождественность его с неограниченностью, другие же имели иную точку зрения. Например, А.А. Голенищев-Кутузов воспроизводил неославянофильские политические доктрины, а Н.С. Таганцев утверждал, что монарх уже ограничил себя в ходе судебной реформы Александра II в 1864 г., но от этого не перестал быть *самодержцем*.

В ходе Петергофских совещаний законодатели пришли к компромиссу, и 6 августа Николай II подписал манифест об учреждении законосовещательной Думы, по которому его власть оставалась формально неограниченной. Однако ст. 46, «умалывшая», по мысли консервативно настроенных участников совещания, самодержавие, осталась в итоговом тексте. В манифесте провозглашалось сохранение «неприкосновенным» основного закона Российской Империи «о существовании самодержавной власти». При этом в акте (во многом ритуально) подчеркивалась преемственность

этого решения с политикой императоров прошлого: «О сем не переставали мыслить самодержавные цари, наши предшественники» [Законодательные акты, 1909, с. 99]. В самом подписанном в тот же день учреждении нового органа, в ст. 1, говорилось о том, что «Государственная Дума учреждается для предварительной разработки и обсуждения законодательных предположений, восходящих, по силе основных законов, через Государственный Совет, к Верховной самодержавной Власти» [Законодательные акты, 1909, с. 101].

Упоминание самодержавия, на чем настаивали наиболее консервативные участники совещаний, было добавлено в документ, определявший порядок работы и сферу полномочий нового органа. Однако в самое ближайшее время заново принятое законодательство пришлось менять в связи с изданием 17 октября манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка», по которому населению гарантировались основные гражданские права, расширялось число избирателей в Думу, а также ограничивалась власть императора в сфере законодательства.

Изданный верховной властью 17 октября акт по форме представлял собой конституционную хартию, по которой царское правительство брало на себя обязательство пересмотра Основных государственных законов, дабы привести их в соответствие с буквой и духом манифеста. Возник вопрос, будет ли место в обновленном государственном строе самодержавию и что в таком случае это понятие будет обозначать. Участники процесса подготовки конституционной реформы отвечали на этот вопрос по-разному.

Автор одного из проектов Основных законов директор Александровского лицея А.П. Саломон дал свой комментарий относительно того, почему он сохранил в тексте своего проекта конституции упоминание *самодержавия*. В предисловии к своему проекту он оговаривается, что «по действующим Основным законам» власть царя «определяется как “самодержавная” и “неограниченная”». Он отмечал, что «второй из этих терминов несовместим с предрешенным манифестом 17 октября участием Государственной думы в осуществлении законодательной власти». Однако, по его мнению, «иной характер» *самодержавия*, который указывает «скорее на источник верховной власти, чем на образ действия ее». Он считал, что «во избежание недоразумений, термин этот в форме имени прилагательного не следует вводить в Основные законы, имя же существительное “самодержец” непременно должно быть сохранено, как драгоценное наследие исторического прошлого России и неотъемлемая принадлежность императорского титула» [Новые материалы, 1998, с. 111]. При этом ст. 5 его проекта устанавливала ответственность министров не только перед монархом, но и перед «государственными палатами», под которыми он подразумевал Думу и Государственный совет [Новые материалы, 1998, с. 116]. Это означало бы, что в случае принятия этого проекта в качестве закона устанавливалось бы ограничение не только для законодательной, но и для исполнительной власти царя — при сохранении самодержавия. С точки зрения Саломона, это понятие уже не представляло собой синоним неограниченной власти государя, а являлось важной частью исторического наследия, обозначая, вероятно,

национальную самобытность и отличие русской монархии от иностранных форм монархической государственности.

Подобное прочтение понятия самодержавия – как укорененной в истории русской национальной традиции, которую надо сохранить при новом, по сути конституционном, режиме – было не уникальным для директора лицея и отражало эволюцию трактовки этого понятия в среде высшей имперской бюрократии. Ярким примером такой трансформации представлений о смысле самодержавия был глава правительства С.Ю. Витте.

Так, еще в конце декабря 1905 г. в газете «Новое время» он высказался относительно своего взгляда на то, сохранилось ли самодержавие после Манифеста 17 октября или нет. Он заявил, что все толки и доказательства того, будто бы он отнял у царя титул самодержца, были неверны, поскольку «историческое происхождение этого титула доказывает, что самодержцами стали именоваться верховные главы российской страны после освобождения их от ига монголов и поляков именно в удостоверение того, что они верховенствуют над отечеством на правах самостоятельных правителей, вне зависимости от чьих-либо народов и корон». Поэтому, по мнению председателя Совета министров, титулу самодержца «неправильно придавать значение неограниченных прав монарха по отношению к его подданным». Однако затем он произнес то, что противоречило сказанному ранее. Он заявил, что «манифест 17 октября есть выражение доброй воли и доброго обещания государя, т.е. акт, который не отнимает у монарха прав и не ограничивает их. Государь император и теперь, как до 17 октября, остается царем с неограниченной властью». Затем Витте подчеркнул, что октябрьский манифест «не внес ничего нового в основные законы Российского государства и не изменил их ни на йоту. Государь император царствует и остается по-прежнему владыкой самодержавным» [Из политических бесед, 1905, с. 4]. Уже в этом интервью содержалось противоречие между старой трактовкой самодержавия и новой, однако позиция Витте по этому вопросу менялась на рубеже 1905–1906 гг. стремительно, и впоследствии именно он станет тем, чья интерпретация этого понятия будет закреплена как официальная.

Обновление текста Основных Законов в соответствии с обещаниями, данными манифестом 17 октября, обсуждалось в апреле 1906 г. на Царскосельском совещании под председательством императора. Затрагивая на нем вопрос изменения ст. 4 и содержащихся в ней характеристик власти: самодержавности и неограниченности, Николай II говорил о том, что, несмотря на сохранение в силе акта 17 октября и «дарованных подданным прав», он сомневается в необходимости «при этом отречься от самодержавных прав и изменить определение верховной власти». Утверждая это, Николай II апеллировал к русскому народу, ссылаясь на его волю в решении этого вопроса, о чем свидетельствуют следующий пассаж императора: «Если бы я был убежден, что Россия желает, чтобы я отрекся от самодержавных прав, я бы для блага ее сделал это с радостью». Он также говорил о том, что в период подготовки конституционной реформы он «получал ежедневно десятками телеграммы, адреса, прошения со всех концов и углов земли русской от всякого

сословия людей. Эти люди, по словам монарха, изъявляли ему «трогательные верноподданнические чувства вместе с мольбою не ограничивать своей властью и благодарностью за права, дарованные манифестом 17 октября». Царь описывал это как запрос снизу о том, чтобы «акт 17 октября и дарованные в нем права были сохранены, но чтобы при сем не было сделано ни шага дальше», и чтобы он «оставался самодержцем всероссийским» [Царскосельские совещания, 1917, с. 204].

Однако в речи императора содержалось противоречие, поскольку при следовании программе манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» невозможно было сохранить неограниченность его власти. На это указывал П.Н. Дурново, считавший, что «после актов 17 октября и 20 февраля неограниченность монарха перестала существовать. Никто в России не может единолично издавать законов», поэтому упоминание неограниченности нельзя было оставлять [Царскосельские совещания, 1917, с. 208].

Противоречие в словах императора было разрешено князем А.Д. Оболенским и С.Ю. Витте. Так, Оболенский утверждал, что нельзя, чтобы в обновленных законах сохранилось упоминание неограниченности. По его мнению, народу это было и не нужно, «ему нужно слово “самодержавный”». За это выступал и Витте, считавший, что «самодержавная власть или монарх самодержавный – это разница». Он утверждал, что «если вычеркнуть слово “неограниченный”, то надо вместо “самодержавный”, сказать “самодержавная власть”». Витте предлагал царю выбрать «одно из двух – или самодержавный и неограниченный, или самодержавная власть». Таким образом, эти сановники предлагали сохранить самодержавие в обновленном тексте Основных законов – акте, который представлял собой конституцию Российской империи, поскольку в нем было прописано ограничение законодательной власти царя. По ним он должен был стать конституционным монархом, но остаться самодержцем. Это открывало довольно широкое пространство для интерпретации и наделения новыми смыслами понятия *самодержавие*. Царские бюрократы воспользовались этим обстоятельством для того, чтобы сконструировать новый легитимирующий миф для российской монархии и правящей династии, основанный на неославянофильской политической доктрине, которая была во многом националистической.

Так, сын одного из основателей славянофильства Д.А. Хомяков, рассуждая на рубеже XIX–XX вв. об «истинном» самодержавии, считал, что «в древней России, когда государство расширялось на счет соседних, иноплеменников, оно не изменяло своему основному характеру Русского Царства», т.е. не делало покоренные народы «равноправными в смысле окраски собою характера самого государства». Монарх же был «неотделим» от русского народа. Хомяков утверждал, что «царь мог принять под свою руку инородцев, но сам оставался только русским царем». В то же время, писал философ, идея петровского «императорства» заключалась в том, что монарх «сознательно перестал быть “только русским царем”, иначе он “эмансипируется от зависимости от духа русского народа”». Императору все подданные одинаково дороги, т.е. он одинаково близок и (одинаково далек) ото всех».

Абсолютистская модель, насажденная в России Петром I, заключалась в том, что монарх «парит над народами, которые ему подвластны, не живя жизнью того народа, который один есть истинный создатель государства, ему соименного, забывая, что оно только потому само существует, что известный народ его в себе зачал». Философ отмечал, что «для того, чтобы русский царь был действительно великим, надо, чтобы он полагал все свое величие в том, что он русский не по происхождению только, а по духу» [Хомяков, 1903, с. 13–14]. Таким образом, он понимал под самодержавием прежде всего русскую национальную монархию. При этом он представлял национализацию монархии как процесс возвращения к истокам, как восстановление утраченного идеала допетровской России с наличием представительного органа. Взгляды Хомякова были в целом типичны для неославянофилов накануне революции 1905–1907 гг. Именно их трактовка самодержавия в итоге легла в основу новой правительственной интерпретации этого понятия.

Точка зрения правительства на заключительном этапе проведения конституционной реформы транслировалась официозной газетой «Русское государство». В докладе царю Витте утверждал, что эта газета «будет устранять всю ложь», которую печатает оппозиционная пресса. Ее сотрудник А.А. Спасский-Одынец вспоминал, что она была одной из тех газет, которую «внимательно читал государь», поскольку Витте создавал ее непосредственно для него. Спасский утверждал, что граф поручил ему освещение в газете новых Основных законов, центральным элементом данной темы было «сохранение в полной неприкосновенности самодержавия при отсутствии его неограниченности, точнее сказать, при ограниченности его законодательной властью Думы и Государственного совета» [цит. по: Ананьич, 2000, с. 337–338]. Уже в марте 1906 г. в № 30 этой газеты были опубликованы две статьи, в которых раскрывалась новая трактовка самодержавия: «Самодержавие при свете истории» и «Современная постановка самодержавия». Автором этих статей был, по всей видимости, сам Спасский-Одынец. Они дают представление о том, каким значением, по мнению правительственного официоза, был наделен этот термин в условиях обновленного государственного строя.

В статье «Самодержавие при свете истории» [Самодержавие при свете истории, 1906] делался акцент на том, что ограничение власти монарха не противоречило идее самодержавия на всем протяжении истории. Спасский-Одынец подробно описывает ту систему ограничений царской власти, которая сложилась в Русском царстве в XV–XVI вв., упоминая Боярскую думу и Земский собор. Автор проводил параллели между политическим строем Русского царства и политическим строем, существовавшим на тот момент в Англии, сопоставляя русские земские соборы и английский парламент. Он утверждал, что только начиная с Петра I «слово “самодержавие” все более приобретает тот смысл, который за ним окончательно установился в эпоху императора Николая I», когда оно стало означать неограниченность власти государя. Утверждая, что и при Александре I, и Александре II шла разработка конституции, автор плавно подводил к мысли о преемственности между ограниченными и неограниченными самодержавцами прошлого, а значит и об отсутствии противоречий в обновленном законодательстве. Спасский заключал,

что «устанавливаемый актами 6 августа и 17 октября конституционный порядок управления и законодательства в России не стоит в противоречии с древнейшими традициями исторической жизни русского народа и государства. Наоборот, по его мнению, эти акты возвращали исконному старинному титулу русских государей тот его смысл и значение, с какими известен этот титул истории в более ранние эпохи его существования». В рамках правительственного официоза была высказана идея о долгой традиции ограничения царской власти, уходящей вглубь веков. Конституционная реформа 1905–1906 гг. представлялась при этом как естественное продолжение этой традиции. В нарративе, выстроенном Спасским, попытки изменения смысла понятия самодержавие, существовавшего в средневековой Руси и Русском царстве, критиковались как отход от национального идеала.

Во второй упомянутой статье [Современная постановка самодержавия, 1906] идея о том, что самодержавие является неотъемлемой частью русской национальной традиции государственного строительства, артикулируется еще сильнее. Автор писал о том, что император является фактически лидером и собирателем русской нации. Он утверждал, что «русский царь в преемственном ряде многих поколений “хозяев земли русской” объединил под высокою своею рукою разрозненные племена и уделы и собрал всероссийское государство, под сенью которого сложился единый русский народ». По мнению Спасского, «еще ранее, чем образовалась цельная русская нация, во главе зачатков ее уже стояли московские цари, сильные созданным ими государством и теми общественными элементами, которым предоставлялось функционировать, по силе преданий старины. Русские цари народились одновременно с Русским Царством, и им выпало на долю воспитать народ к сознанию своего единства».

В этой статье автор писал и о том, что самодержавию не противоречит существование законодательной Думы одновременно с монархом. Посредством этого переосмысления самодержавие радикально меняло свое прежнее значение, становясь из синонима абсолютизма термином, обозначающим сам принцип верховной власти, при этом в значении его исторической укорененности и национальной принадлежности.

В этих двух статьях Спасский конструировал новый миф, который был призван легитимировать правящую династию. В нем царю отводилась роль лидера русской нации и фигуры, которая связывала современную нацию с ее историческим прошлым. В историческом нарративе, созданном на страницах газеты «Русское государство», понятие самодержавия было встроено в дискурс национального строительства. Подобные семантические изменения в рамках политического языка отражают тенденцию, которую Б. Андерсон [Андерсон, 2016, с. 158] и Э. Хобсбаум [Хобсбаум, 1998, с. 134–135] называли процессом национализации династий, правящих большими полиэтничными империями. Конституционная реформа 1905–1906 гг. стала важным шагом в процессе складывания русской политической нации в ядре Российской империи и ответом на кризис легитимности Романовых, связанный с требованиями политической эмансипации широких слоев населения,

поскольку вводили институт представительства. Ответом на этот вызов стала попытка не только реформировать политическую систему, но и выработать новую официальную идеологию, основанную на русском национализме. Для этого бюрократы и обращались к неославянофильскому прочтению такого важного для языка описания государственной системы понятия, как самодержавие, демонстрируя, что монарх является важной частью нации. Этот смысл они стремились закрепить в официальных документах, имеющих основополагающий характер. Именно в таком значении этот термин, по их мнению, и должен был быть включен в текст основных законодательных актов, конституирующих режим думской монархии. Упоминание самодержавия осталось не только в тексте Основных законов Российской империи 23 апреля 1906 г., но и в ст. 1 обновленного Учреждения законодательной Думы [Законодательные акты, 1909, с. 941].

Более того, сами авторы этой реформы прекрасно понимали, что обновленный государственный строй Российской империи является конституционным. Так, 19 октября 1905 г. в письме к своей матери, вдовствующей императрице Марии Федоровне, Николай II писал, что данный им манифест – это «предоставление гражданских прав населению – свободы слова, печати, собраний и союзов и неприкосновенности личности; кроме того, обязательство проводить всякий законопроект через Госуд. Думу – это, в сущности, и есть конституция» [Переписка Николая II, 1927, с. 168]. Но в официальной правительственной публичной риторике понятие конституции вполне осознанно игнорировалось. Из этого можно заключить, что сама идея конституции вписывалась в традицию русской государственности посредством неославянофильского прочтения понятия самодержавия. Таким образом, процесс концептуализации идеи русской нации в правительственном дискурсе переплетался с процессом становления современных политических институтов, прежде всего парламента, причем осмысливалось это через отсылку к старорусским политическим традициям, природа которых тоже была в известной степени конструктом неославянофильских мыслителей. Но это не мешало бюрократам концептуализировать переход к конституционной монархии начала XX в. как возврат к политическому идеалу Русского царства XVI–XVII вв.

Новая правительственная трактовка самодержавия указывала на долгую историческую традицию монархических институтов, постепенно превращая фигуру царя в национальный символ и объединительную фигуру для «русского народа», через категории возвращения к утраченной и самобытной старине. Не случайно во время приема Николаем II 16 февраля 1906 г. представителей «Самодержавно-Монархической» партии император произнес: «Передайте всем, уполномочившим вас, что реформы, которые мною возведены манифестом 17 октября, будут осуществлены неизменно, и права, которые мною даны одинаково всему населению, неотъемлемы. Самодержавие же мое останется таким, каким оно было встарь» [Николай II, 1906, с. 73]. Такое понимание смысла самодержавия государем резко контрастирует с теми значениями, которыми он нагружал это понятие в самом начале своего правления. В своей знаменитой речи 17 января 1895 г., в которой он назвал «бессмысленными мечтаниями» идею об «участии представителей земства в делах

внутреннего управления», он также говорил о том, что будет «охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял» его отец, очевидно подразумевая под этим термином неограниченность своей власти [Николай II, 1906, с. 7].

С наступлением новой политической реальности, частью которой была законодательная Дума, самодержавие в глазах значительной части правящей элиты радикально изменило свой смысл. В условиях острейшего политического кризиса революции 1905–1907 гг. его начали использовать для решения актуальной задачи пересмотра легитимирующего мифа, обращаясь к неославянофильскому прочтению этого понятия. Переход к конституции и ограничение власти императора идеологически осмысливались как возвращение к политической традиции средневековой Руси и Русского царства, прерванной Петром I. Посредством этой идеологической новации бюрократы, проводившие конституционную реформу 1905–1906 гг., пытались обосновать необходимость существования монархии в период интенсивного строительства русской нации в ядре империи [Miller, 2015, p. 336–337].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Ананьич Б.В. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 429 с.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 413 с.

Андреев Д.А. Феноменология русского самодержавия на рубеже XIX–XX веков в оптике «политической повседневности» // *Новейшая история России*. 2020. Т. 10. № 2. С. 523–525.

Законодательные акты переходного времени 1904–1906 гг. Сб. законов, манифестов, указов Пр. сенату, рескриптов и положений Ком. министров, относящихся к преобразованию гос. строя России. СПб.: Юрид. кн. скл. «Право», 1907. 733 с.

Из политических бесед // *Новое время*. 1905. № 10701. С. 4.

Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // *История понятий, история дискурса, история метафор*. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 21–33.

Куликов С.В. «Самодержавие» и «абсолютизм». К вопросу о предпосылках Основных государственных законов 23 апреля 1906 г. // *Вопросы истории*. 2022. № 12 (2). С. 4–19.

Николай II. Полное собрание речей Императора Николая II: 1894–1906. СПб.: Друг Народа, 1906. 80 с.

Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. // *Русское прошлое: историко-документальный альманах. Кн. 8*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1998. С. 91–164.

Переписка Николая II и Марии Федоровны. 1905–1906 гг. // *Красный архив. Исторический журнал*. 1927. Т. 3 (22). С. 153–209.

Петергофское совещание о проекте Государственной думы под личным его императорского величества председательством: секретные протоколы: заседания 19, 21, 23, 25 и 26 июля 1905 г. Berlin: Eberhard Frowein Verlag, 1905. 220 с.

Покок Дж. The state of the art (Введение к книге «Добродетель, торговля и история») // *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 142–188.

Самодержавие при свете истории // *Русское государство: ежедневная газета, издаваемая при «Правительственном вестнике»*. 1906. № 30. С. 3–4.

Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Первого составленный: издание 1857 года. Основные государственные законы. 1857. Т. 1. Ч. 1. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1857. 1020 с.

Скиннер К. Мотивы, намерения и интерпретация текстов // *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 123–141.

Современная постановка самодержавия // *Русское государство: ежедневная газета, издаваемая при «Правительственном вестнике»*. 1906. № 30. С. 4–5.

Соловьев К.А. Идея самодержавия (конец XIX–начало XX вв.) // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2018а. Т. 2. № 2. С. 48–69.

Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М.: Политическая энциклопедия, 2018b. 351 с.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998. 305 с.

Хомяков Д.А. Самодержавие: (опыт схематического построения этого понятия). М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1903. 58 с.

Царскосельские совещания: Протоколы секретного совещания в апреле 1906 года под председательством бывшего императора по пересмотру основных законов // *Былое: Журнал, посвященный истории освободительного движения*. 1917. № 4 (26). Октябрь. Петроград: Книгопечатня Шмидт, 1917. С. 183–245.

Lohr E. Tsarism, Tsarist Autocracy, and the Russian Sonderweg // *The Journal of Modern History*. 2023. Vol. 95. № 1. Pp. 78–110.

Miller A. The Romanov Empire and the Russian Nation // *Nationalizing empires*. Budapest: Central European University Press. 2015. Pp. 309–368.

REFERENCES

Anan'ich B.V. *Sergei Yul'evich Vitte i ego vremya* [Sergey Yulievich Witte and his time]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1999. 429 p. (in Russian).

Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva: razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole, 2016. 413 p. (in Russian).

Andreev D.A. Fenomenologiya russkogo samodержaviya na rubezhe XIX–XX vekov v optike «politicheskoi povsednevnosti» [The Phenomenology of the Russian Autocracy at the turn of the XIX–XX centuries in the optics of “political everyday life”], in *Noveishaya istoriya Rossii*. 2020. Vol. 10. No. 2. Pp. 523–525 (in Russian).

Zakonodatel'nye akty perekhodnogo vremeni 1904–1906 gg. Sb. zakonov, manifestov, ukazov Pr. senatu. reskriptov i polozhenii Kom. ministrov, otnosyashchikhsya k preobrazovaniyu gos. stroya Rossii [Legislative acts of the transitional period of 1904–1906. Collection of laws, manifestos, decrees to the Senate. rescripts and regulations of the Committee of Ministers relating to the transformation of the state system of Russia]. St. Petersburg: Yurid. kn. skl. «Pravo», 1907. 733 p. (in Russian).

Iz politicheskikh besed [From political conversations], in *Novoe vremya*. 1905. No. 10701. P. 4. (in Russian).

Kozellek R. K voprosu o temporal'nykh strukturakh v istoricheskom razvitii ponyatii [On the question of temporal structures in the historical development of concepts], in *Istoriya ponyatii, istoriya diskursa, istoriya metafor*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. Pp. 21–33 (in Russian).

Kulikov S. V. «Samoderzhavie» i «absolyutizm». K voprosu o predposylkakh Osnovnykh gosudarstvennykh zakonov 23 aprelya 1906 g. [“Autocracy” and “absolutism”. On the question of the prerequisites of the Basic State Laws on April 23, 1906], in *Voprosy istorii*. 2022. No. 12 (2). Pp. 4–19 (in Russian).

Nikolai II. Polnoe sobranie rechei Imperatora Nikolaya II: 1894–1906 [The complete collection of speeches of Emperor Nicholas II: 1894–1906]. St. Petersburg: Drug Naroda, 1906. 80 p. (in Russian).

Novye materialy k istorii sozdaniya Osnovnykh gosudarstvennykh zakonov 1906 g. [New materials on the history of the creation of the Basic State Laws of 1906], in *Russkoe proshloe: istoriko-dokumental'nyi al'manakh*. Book 8. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 1998. Pp. 91–164 (in Russian).

Perepiska Nikolaya II i Marii Fedorovny. 1905–1906 gg. [Correspondence between Nicholas II and Maria Feodorovna. 1905–1906], in *Krasnyi arkhiv. Istoricheskii zhurnal*. 1927. Vol. 3 (22). Pp. 153–209 (in Russian).

Petergofskoe soveshchanie o proekte Gosudarstvennoi dumy pod lichnym ego imperatorskogo velichestva predsedatel'stvom: sekretnye protokoly: zasedaniya 19, 21, 23, 25 i 26 iyulya 1905 g. [Peterhof meeting on the draft of the State Duma under the personal chairmanship of His Imperial Majesty: secret protocols: meetings on July 19, 21, 23, 25 and 26, 1905]. Berlin: Eberhard Frowein Verlag, 1905. 220 p. (in Russian).

Pokok D. The state of the art (Vvedenie k knige «Dobrodetel', trgovlya i istoriya») [The state of the art (Introduction to the book “Virtue, Trade and History”)], in *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noi istorii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. Pp. 142–188 (in Russian).

Samoderzhavie pri svete istorii [Autocracy in the light of history], in *Russkoe gosudarstvo: ezhdnevnyaya gazeta, izdavaemaya pri «Pravitel'stvennom vestnike»*. 1906. No. 30. Pp. 3–4 (in Russian).

Svod zakonov Rossiiskoi Imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pervogo so-stavlennyy: izdanie 1857 goda. Osnovnye gosudarstvennye zakony. 1857. T.1. Ch. 1. [The Code of Laws of the Russian Empire, compiled by the order of Emperor Nicholas I: edition of 1857. The Basic State Laws. 1857. Vol.1. Part 1]. St. Petersburg: Tip. Vtorogo otd-niya Sobstv. e. i. v. kantselyarii, 1857. 1020 p. (in Russian).

Skinner K. Motivy, namereniya i interpretatsiya tekstov [Motives, intentions and interpretation of texts], in *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noi istorii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. Pp. 123–141 (in Russian).

Sovremennaya postanovka samodержaviya [The modern formulation of autocracy], in *Russkoe gosudarstvo: ezheдневnaya gazeta, izdavaemaya pri «Pravitel'stvennom vestnike»*. 1906. No. 30. Pp. 4–5 (in Russian).

Solov'ev K.A. Ideya samodержaviya (konets XIX–nachalo XX vv.) [The idea of autocracy (late 19th – early 20th centuries)], in *Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. 2018a. Vol. 2. No. 2. Pp. 48–69 (in Russian).

Solov'ev K.A. *Politicheskaya sistema Rossiiskoi imperii v 1881–1905 gg.: problema zakonotvorchestva* [The political system of the Russian Empire in 1881–1905: the problem of lawmaking]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2018b. 351 p. (in Russian).

Khobsbaum E. *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda* [Nations and Nationalism since 1780]. St. Petersburg: Aleteiya, 1998. 305 p. (in Russian).

Khomyakov D.A. *Samoderzhavie: (opyt skhematiceskogo postroeniya etogo ponyatiya)* [Autocracy: (experience in the schematic construction of this concept)]. Moscow: Tipo-lit. T-va I.N. Kushnerev i Ko, 1903. 58 p. (in Russian).

Tsarskosel'skie soveshchaniya: Protokoly sekret'nogo soveshchaniya v aprele 1906 goda pod predsedatel'stvom byvshego imperatora po peresmotru osnovnykh zakonov [Tsarskoye Selo meetings: Minutes of a secret meeting in April 1906 chaired by the former Emperor on the revision of basic laws], in *Byloe: Zhurnal, posvyashchennyi istorii osvoboditel'nogo dvizheniya*. 1917. No. 4 (26). Oktyabr'. Petrograd: Knigopechatnya Shmidt, 1917. Pp. 183–245 (in Russian).

Lohr E. Tsarism, Tsarist Autocracy, and the Russian Sonderweg, in *The Journal of Modern History*. 2023. Vol. 95. No. 1. Pp. 78–110.

Miller A. The Romanov Empire and the Russian Nation, in *Nationalizing empires*. Budapest: Central European University Press, 2015. Pp. 309–368.

Статья принята к публикации 22.07.2024